

Предисловие «Полки»

В эпоху, когда типичный герой русского романа страдает от невозможности приложить свои силы в России, Гончаров выводит на сцену человека, сознательно избегающего любых усилий. В споре между мечтательным Обломовым и деятельным Штольцем автор не берет ничью сторону: его роман — то ли притча о вечной русской лени, то ли ода мудрому русскому недеянию.

Татьяна Трофимова

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Илья Ильич Обломов, помещик и отставной коллежский секретарь, дни напролет лежит в халате на диване. Дремоту нарушает друг его детства Андрей Штольц, энергичный делец, — он напоминает Обломову о прежних мечтах изменить мир, выводит его в свет и пытается расшевелить. Обломов влюбляется в молодую девушку Ольгу Ильинскую, которая намерена «спасти нравственно погибающий ум» и запрещает ему спать днем. Пробуждение оказывается недолгим: после короткого периода счастья и бодрости Обломов под действием какой-то неодолимой силы снова ложится на диван. Имя этой силы — «обломовщина» — стало нарицательным. Конфликт созерцательного и деятельного приобретает у Гончарова абсолютное измерение — ему подвержен каждый из героев, их взаимоотношения, сюжет романа, его современники и эпоха, в которую он написан, и само действие, которое то замирает неподвижно, то лихорадочно разгоняется.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

В 1847 году, задетый замечанием Белинского об эпилоге «Обыкновенной истории» (критик находил его искусственным), Гончаров берется за новый роман — набрасывает текст, еще не имея никакого представления о его общей концепции. Так возникают «Сон Обломова» и черновик первой части романа. Гончаров планирует его быстро завершить и даже обещает рукопись издателю «Отечественных записок» Андрею Краевскому, но поездка в родной Симбирск не приносит ожидаемого

вдохновения. В 1852 году писатель и вовсе отправляется в кругосветное путешествие в качестве секретаря адмирала Евфимия Путятина, и в результате этого путешествия возникает совсем другая книга — путевые очерки «Фрегат “Паллада”». Современники не понимали, почему писатель бросил многообещающую литературную карьеру. Только в 1856 году Гончаров возвращается к роману и в три с небольшим года завершает его.

КАК ОНА НАПИСАНА?

В «Обломове» Гончаров, по сути, обыгрывает главный литературный конфликт 1850-х годов, когда от писателей все больше требовали социальности и того, что Чернышевский назвал «учебником жизни», в противовес «чистому искусству». Тематика романа — вроде бы социальная, в духе времени: тут есть и деятельный герой (Штольц), и поиск поля деятельности, и «испытание личности». Но к этим обязательным элементам Гончаров подходит нестандартно: любимый его герой бездеятелен, усилия прикладывать не хочет, от «испытания» отказывается. Кроме того, вразрез с тенденциями времени, действие и сюжет в этом романе — не главное. Едва начав рассказывать историю Обломова, Гончаров сразу же впускает в нее невероятное количество любовно выписанных подробностей, интригующих микросюжетов и выразительных портретов. Внимание читателя поглощено не столько развитием событий, сколько множеством мелочей — и вслед за героем романа он погружается в чистое созерцание. Особую роль играет здесь сон Обломова, помещенный в отдельную главу:

Дом №3 по Моховой улице, где Гончаров жил с 1857 года до своей смерти 15 сентября 1891 года. Санкт-Петербург, 1914 год

это своего рода концентрат, объясняющий всплеск и «погасание» жизни Обломова. Заданный этим сном ритм и становится организующим началом романа, который развивается вовсе не по социальным законам, а согласно годичному природному циклу: выйдя из зимней спячки, весной Обломов встречает Ольгу, их отношения переживают летний расцвет и умирают осенью. Причиной окончания романа становится невозможность переправиться через замерзающую на зиму Неву.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА АВТОРА?

Среди авторов, повлиявших на «Обломова», исследователи в первую очередь называют Гоголя. В романе отчетливо видны сюжетные ходы и описательные приемы

«Женитьбы» и «Мертвых душ». Гоголевскую традицию Гончаров осваивает нетипичным для своего времени образом — он отсылает не к «Петербургским повестям», которые ценят авторы натуральной школы и дидактики вроде Чернышевского, а к первому тому «Мертвых душ»: перед лежащим Обломовым проходит галерея гостей, их портреты полны метафорических подробностей, а сам он погружается в живописный сон. Поскольку роман был задуман и начат еще в 1847 году, часто указывают на его тесную связь с натуральной школой, воплотившуюся и в описании бытовых привычек Обломова, и в истории его взаимоотношений с простой женщиной Агафьей Матвеевной. Вместе с тем основная работа над романом приходится на вторую половину 1850-х годов — и это время появления так называемых романов испытания личности,

в том числе Ивана Тургенева и Алексея Писемского, герои которых стремятся к деятельности и активно ищут практическое приложение своим силам. Гончаров вписывает свой роман в этот ряд, но предлагает принципиально другого героя. Помимо этого, исследователи замечают в тексте романа многочисленные отсылки к фольклорным и сказочным сюжетам, а сам Обломов уподобляется былинному богатырю, пролежавшему на печи тридцать лет и три года. Наконец, существуют попытки связать замысел романа с кругосветным путешествием самого Гончарова — нехарактерное для писателя решение провести несколько лет в непрерывных перемещениях как будто помогает ему создать образ абсолютно неподвижного героя. Именно после этой поездки писатель берется за роман с новыми силами и завершает его.

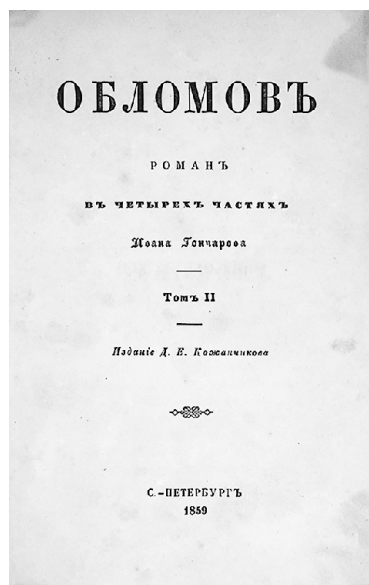
КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

По традиции того времени первая публикация романа «Обломов» состоялась в журнале — выбор Гончарова пал на «Отечественные записки». Роман выходит по частям в первых четырех номерах журнала за 1859 год. Однако с Ильей Ильичом Обломовым читающая публика впервые познакомилась еще в 1849 году, вскоре после выхода «Обыкновенной истории». Тогда, на волне интереса к новому автору, в «Литературном сборнике с иллюстрациями» (приложении к Некрасовскому журналу «Современник») был опубликован «Сон Обломова». Впоследствии оказавшийся в глубине повествования, для первых читателей он стал экспозицией или, как говорил

сам Гончаров, увертюрой к неоконченному роману. И если сейчас «Сон Обломова» читается скорее как воспоминание о беззаботном идиллическом детстве, тогда он воспринимался как начало биографии героя. Однако какими бы ни были ожидания читателей относительно возможного продолжения, явление повзрослевшего Ильи Ильича все равно оказалось слишком неожиданным — отчасти поэтому сразу после публикации романа в 1859 году развернулось его бурное обсуждение.

КАК ПРИНЯЛИ КНИГУ?

«Обломова» современные ему читатели и критики однозначно трактовали в контексте романов испытания личности. Тенденцию задают с середины 1850-х

Первое издание «Обломова».
Санкт-Петербург, 1859 год

Николай Добролюбов.
1860-е годы

Александр Дружинин.
1850-е годы

Дмитрий Писарев.
1880-е годы

романы Тургенева — сначала выходит «Рудин», одновременно с первой частью «Обломова» публикуется «Дворянское гнездо», сразу после — «Накануне». Годом ранее выходит монументальный социальный роман «Тысяча душ» Алексея Писемского. Все они — про героев, которые ощущают в себе потенциал, но не находят места для приложения своих сил в российской действительности. Обломов оказывается предельным воплощением этой неспособности отыскать себе место в жизни. В своей знаменитой статье «Что такое обломовщина?» критик «Современника» Николай Добролюбов говорит об инертности, умственной неподвижности, отсутствии привычки к делу и контакта с реальностью как характерном состоянии российской общественной жизни на тот момент. Сходным образом понимает роман и критик «Русского слова» Дмитрий Писарев, посвятивший «Обломову» целую серию статей. Писарев высоко ценит способность Гончарова снять слепок с действительности во всех ее подробностях, но заключает, что ему не хватает критического взгляда на действительность и отчетливо выраженного авторского отношения. В системе ценностей, где литература — прежде всего поле общественной дискуссии, рейтинг критика возглавляет Писемский, трезво указывающий на причины бед, за ним следует более мягкий в обличении Тургенев. Оппонентом Писарева в этом споре выступает Александр Дружинин, критик «Библиотеки для чтения», который полагает, что трансформировать сознание читателей способен только большой и настоящий художник и Гончаров, несомненно, им является. Впрочем, все

критики вне зависимости от своего отношения к роману справедливо предсказывали ему долгую жизнь.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

После публикации «Обломова», закрепившего место Гончарова в ряду больших писателей своего времени, он решительно принимается за новый и последний свой роман. Работа над «Обрывом» займет следующие десять лет, которые дадутся Гончарову куда труднее предыдущих. Гончаров обвинит Тургенева в плагиате и вынесет дело на рассмотрение третейского суда критиков Александра Никитенко, Александра Дружинина, Павла Анненкова и Степана Дудышкина, а затем с трудом помирится с Тургеневым (тот косвенно признает свою вину и выкинет несколько сцен из «Дворянского гнезда»). Писателя будет ждать новый виток чиновной карьеры в Совете по делам печати, но он выйдет в отставку из-за невозможности заниматься литературой. Медленно и тяжело работая над «Обрывом», Гончаров будет пристально следить за появлением сходных сюжетов в мировой литературе и все больше погружаться в состояние душевного расстройств из-за ощущения, что повсюду реализуются именно его замыслы. Судьба же «Обломова» развивается в точности так, как предсказывали первые критики. Обломовщина как явление становится в один ряд с донкихотством, донжуанством, гамлетизмом и подобными типологическими конструктами. При жизни писателя начиная с 1861 года появляется двенадцать переводов романа, хотя сам Гончаров, по его словам, не ищет

европейского признания. Всего роман переведут на 47 языков — он останется самым известным произведением Гончарова. В 1979 году Никита Михалков снимет экранизацию романа — «Несколько дней из жизни И. И. Обломова».

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ОБЛОМОВЩИНА?

Первый раз слово «обломовщина» произносит Штольц — после того, как Илья Ильич описывает ему свои мечты о размеренной барской жизни в усадьбе с пикниками в березовой роще, медленно ползущими по полю возами с сеном и босоногими крестьянками с загорелыми шеями. Штольц шокирован. «Нет, это не жизнь! — решительно заявляет он. — Это... какая-то... обломовщина». «Разве не все добиваются того же, о чем я мечтаю?» — спрашивает его в ответ Обломов. Ведь все люди, одержимые суетой и бурной деятельностью, уверяет он, в конечном счете хотят для себя именно отдыха и покоя. Еще раз это слово возникает в момент решающего объяснения Обломова с Ольгой, и произносит его уже сам Обломов. «Ты добр, умен, нежен, благороден... и... гибнешь! Что сгубило тебя?» — спрашивает Ольга. «Обломовщина», — шепчет Илья Ильич в ответ.

Первые критики романа, Добролюбов и Писарев, были склонны видеть в обломовщине квинтэссенцию социальных проблем дореформенной России: то есть, возможно, Обломов и хотел бы быть другим, о чем ясно свидетельствует его детство, но барское окружение и отсутствие привычки к самостоятельной жизни убили в нем все разумные стремления.

Ключевой конфликт обломовщины в их понимании — это конфликт жаждущего деятельности разума и подавляющей его инертной среды, определяемой барско-крепостными отношениями. Их оппонент Дружинин, напротив, выделяет в обломовщине не классовые, а общечеловеческие свойства: избегание столкновения с действительностью, уход в мир «нравственной дремоты» и неприспособленность к практической жизни. Причем критик не готов признавать эти свойства однозначно отрицательными, говоря о «мудрых отшельниках».

В 1912 году, в 100-летний юбилей писателя, поднялась вторая волна разговора об обломовщине. На этот раз в ней выделяли в первую очередь психологические аспекты — сознательный отказ от деятельности стал восприниматься как жизненная философия. Один из главных исследователей творчества Гончарова Елена Краснощёкова указывала, что эти особенности замечали вокруг себя и другие современники писателя¹. В 1847 году, то есть за два года до публикации «Сна Обломова», Александр Герцен в цикле статей «Капризы и раздумья» писал о лени и привычке как основаниях национального характера: русские склонны быть несамостоятельными и отдавать главенство над собой некоему авторитету. По мнению Краснощёковой, именно эти приметы «русского менталитета» Гончаров называет обломовщиной.

ПОЧЕМУ ОБЛОМОВ НЕ МОЖЕТ ВЗЯТЬ СЕБЯ В РУКИ И ЗАНЯТЬСЯ ДЕЛОМ?

Сам Илья Ильич дает множество объяснений своей невозможности встать с дивана, выйти из дома и начать заниматься делами. Это и затянувшееся утро, и медлительность слуги Захара, и слабое здоровье, и непонимание, зачем куда-то идти, если дома хорошо, и нежелание уподобляться «другим», и разочарование в перспективах деятельности в России, и убеждение, что человек, чем бы он ни занимался, все равно стремится к покою. Список можно продолжать. При этом ни Обломов, ни Гончаров не предлагают никакой иерархии возможных объяснений: за время, прошедшее с момента первой публикации романа, его интерпретаторы выдвигали на первый план разные аспекты. Современные Гончарову критики, конечно, считали, что вся проблема в воспитании — и «Сон Обломова» ясно показывает, как изначально активный ребенок Илюша, погруженный в барство и крепостные отношения, отучился и от активности, и от самостоятельности. Но более позднее восприятие романа, особенно на Западе, переносит проблему в область психологии личности. В частности, американский исследователь Франклин Рив писал, что неспособность Обломова к действию — проявление комплекса невзроslения и вечного инфантилизма². Он же увидел в поведении героя толику восточного фатализма: впоследствии исследователи трактовали это уже как проявление буддистского мировоззрения с его уважением к созерцательности. Современный литературовед Владимир

Кантор трактует бездеятельность Обломова как типичное свойство русского интеллигента (исследователь рассматривает роман в контексте российской перестроенной проблематики). Ссылаясь на слова Чернышевского о «долгом навике к сну», Кантор видит в Обломове архетип героя эпохи перемен, не готового взять на себя ответственность за большие процессы³. Есть даже попытки подвести под бездействие Ильи Ильича фольклорные и мифологические основания: описание жизни в Обломовке изобилует сказочными и былинными отсылками и акцентирует характерное для традиционной культуры цикличное представление о жизни, где всякое резкое действие нарушает сложившийся баланс. Что интересно, в принципе, роман Гончарова допускает все эти трактовки.

МОЖНО ЛИ СКАЗАТЬ, ЧТО ОБЛОМОВ СТРАДАЕТ ПРОКРАСТИНАЦИЕЙ?

Ответ: Юрий Сапрыкин

Казалось бы, Обломов, вечно откладывающий серьезные дела на потом, просто воплощение модного сейчас недуга. Практически вся первая глава романа посвящена различным бытовым, психологическим и бессознательным уловкам, с помощью которых он отстраняет от себя «два несчастья» — известия о том, что ему придется съезжать с петербургской квартиры, а дела в его имени пришли в полный беспорядок. Обломов не просто избегает действий, которые требуется предпринять, — он старается отогнать даже мысли о них,

предполагая решить все неприятные вопросы после того, как будет готов большой и окончательный план усовершенствования его хозяйства (а вместе с тем и жизни). Обломов отмахивается от чиновника Тарантьева, предлагающего удобный вариант переезда, и устраивает форменный скандал слуге Захару, который то и дело напоминает, что квартирный хозяин не ждет.

И тем не менее это состояние нельзя назвать прокрастинацией. Термин «прокрастинация» предполагает, что человек игнорирует важные дела, отвлекаясь на мелкие и незначительные; например, то и дело обновляет ленту соцсетей вместо того, чтобы готовиться к экзамену. Это состояние выматывает, лишает сил; оно квалифицируется как нежелательное. Про Обломова не скажешь, что он откладывает важные дела, занимаясь неважными, — скорее он стремится не заниматься никакими, отказать от любых действий, забывшись в блаженной неге. Его мечтательная дрема растворяет в себе и переживания, связанные с невыполненными срочными делами, и вообще тоску по несбывшемуся. Это состояние воспринимается Обломовым как естественное и желанное: «В десять мест в один день — несчастный!» — заключил он, перевертываясь на спину и радуясь, что нет у него таких пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой».

Обломов не замечает по-настоящему их нервной суетой (или не менее болезненной апатией); его состояние скорее определяется сложным комплексом чувств, которые лингвисты Алексей Шмелёв, Анна Зализняк и Ирина Левонтина связывают с глаголом «собирается». «В значении

целого ряда русских языковых выражений содержится общее представление о жизни, в соответствии с которым активная деятельность возможна только при условии, что человек предварительно мобилизовал внутренние ресурсы, как бы сосредоточив их в одном месте (собрав их воедино). Чтобы что-то сделать, надо собраться с силами, с мыслями — или просто собраться... Слово “собирается” указывает не просто на наличие намерения, но и на некоторый процесс мобилизации внутренних ресурсов, который может продолжаться довольно длительное время и при этом завершиться или не завершиться успехом... Процесс “сбирания” при этом сам по себе осмысливается как своего рода деятельность — что дает возможность человеку, который, вообще говоря, ничего не делает, представить свое времяпрепровождение как деятельность, требующую затраты усилий». Обломов не просто откладывает дела — он внутренне готовится к их осуществлению; даже в самых крайних своих проявлениях его лень — не вялая и тем более не апатичная, она мечтательная и, следовательно, в каком-то смысле деятельная. Ничего не делая, Обломов оказывается постоянно занят — хотя бы переживанием этого ничегонеделания, иногда тревожным, но чаще спокойным и радостным.

ЗА СЧЕТ ЧЕГО ЖИВЕТ ОБЛОМОВ И КАКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ОН МОЖЕТ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ?

Основной источник дохода Обломова, как и многих дворян того времени, — имение. Обломов по меркам русского дворянства не беден: от родителей ему достается

350 крепостных душ, и его имение находится «в одной из отдаленных губерний, чуть не в Азии». Для сравнения: у Льва Толстого, когда он вступил во владение Ясной Поляной, было 330 крепостных, и имение никогда не было особо прибыльным, поскольку в этой местности плотность населения выше и содержание самих крепостных обходилось дороже. В случае же Обломова, очевидно, у него во владении находится существенно больше земель, преимущественно полей. С продажи зерна он, как сообщает автор, в лучшие времена получал от 7 до 10 тысяч рублей ассигнациями ежегодно. И хотя мы застаем его уже в другой ситуации (дела его запущены, староста жалуется на недоимки по оброку, и получает Обломов уже только от 2 до 3 тысяч рублей ассигнациями), Илья Ильич вполне может позволить себе нанять квартиру в центре Петербурга, не слишком ужимать себя в хозяйственных расходах, при этом не служить и даже планировать со Штольцем путешествие за границу. Уменьшение дохода не исключительно его проблема: известно, что к моменту крестьянской реформы 1861 года две трети имений вообще находилось в залоге, под который государство выдавало денежные кредиты, таким образом поддерживая дворян. Более того, Обломов вполне может позволить себе жениться — при некоторой оптимизации расходов они с женой могут даже остаться жить на квартире в Петербурге, не говоря уже о том, что они легко могут расположиться и в самой Обломовке, где расходы на жизнь несравнимо меньше. Но для этого Обломову пришлось бы управлять своим имением, а не откладывать письма старосты в долгий ящик.

А ЧЕМ ВООБЩЕ ЗАНИМАЛИСЬ ЛЮДИ КРУГА ОБЛОМОВА, ЖИВШИЕ НА ДОХОД ОТ ИМЕНИЯ?

Дворяне, которые получали достаточный доход от имения, чтобы не служить, могли попробовать себя на разных поприщах. Во-первых, они все-таки могли пойти на государственную службу и попытаться сделать карьеру. Про Обломова известно, что он находится в чине коллежского секретаря, государственная служба изначально была целью его приезда в Петербург двенадцать лет назад — и это довольно типичный случай, описанный и в первом романе Гончарова «Обыкновенная история». Тем не менее коллежский секретарь — чуть ли не самый низкий чин. Для сравнения: несчастный Акакий Акакиевич из «Шинели» Гоголя — титулярный советник с жалованьем в 400 рублей в год. Но даже титулярный советник уже рангом выше коллежского секретаря. Таким образом, можно сказать, что Обломов практически сразу отказался от идеи государственной службы, хотя перспективы ее были довольно широки. Например, такие люди, как Михаил Сперанский или Александр Горчаков, смогли достичь выдающихся успехов на государственной службе исключительно в силу собственных заслуг. И, видимо, именно на эту великую цель — служение на благо России — намекает Штольц, когда пытается устыдить Обломова и напомнить о его прежних планах. Кроме того, дворяне, живущие на доход от имения, могли попробовать себя на общественной службе, например посещать дворянские собрания в уездном или губернском городе с перспективой стать

предводителем дворянства — это давало возможность участвовать в управлении губернией. Видимо, об этом Обломов тоже думал — по крайней мере автор упоминает о его размышлениях на тему «роли в обществе». Наконец, дворяне могли прикладывать усилия к лучшему управлению своим имением, например внедрять технические новшества, чтобы увеличить прибыль. В частности, Шереметевы устроили жизнь в своих имениях таким образом, что до отмены крепостного права те были весьма прибыльны; дела в них велись так аккуратно, что по их архивам сегодня можно изучать методы ведения хозяйства в XIX веке. Увеличение дохода давало дворянам возможность жить более широкой жизнью: они могли содержать собственный дом в Петербурге, выезжать на охоту в собственное имение, устраивать большие приемы или постоянно жить за границей (последнее было возможно, если имение насчитывало около тысячи крепостных и исправно функционировало). Из романа мы знаем, что Обломов постоянно думает о преобразованиях в собственном имении — но и в этом случае не может никак приняться за дело.

ЧЕМ КОНКРЕТНО ЗАНЯТ АНДРЕЙ ШТОЛЬЦ?

«Он участвует в какой-то компании, отправляющей товары за границу. Он беспрестанно в движении: понадобится обществу послать в Бельгию или Англию агента — посылают его; нужно написать какой-нибудь проект или приспособить новую идею к делу — выбирают его» — так сам Гончаров описывает в романе

Константин Тихомиров. Иллюстрация к «Обломову». 1883 год.
Из журнала «Живописное обозрение стран света»

деятельность Андрея Штольца. Помимо этого, известно, что Штолец способен решить проблемы с усадьбой — и устроить дела в Обломовке таким образом, чтобы она приносила больше дохода; ликвидировать фальшивый вексель Обломова — и добиться посредством дружеского разговора увольнения мошенника со службы. Но как именно он этого достигает или чем конкретно занят — мы так и не узнаём.

Это заметили еще современники, и они же предложили объяснения такому казусу — от невозможности правдоподобно описать «человека будущего» из-за отсутствия его в реальности до неспособности самого Гончарова осмыслить неорганичный для его писательского таланта материал. Так, по мнению Писарева, Гончаров склонен к неподвижному повествованию

с любованием жизнью во всех ее деталях, именно поэтому он в принципе не может отразить деятельность. Тем не менее, поскольку и Писарев, и Добролюбов были в силу своих убеждений на стороне именно деятельных героев, Андрей Штолец был в целом воспринят позитивно.

Сам Гончаров еще в набросках романа планировал повернуть «деятельность» Штольца в цивилизаторское русло — местом для приложения его энергии должна была бы стать Сибирь, а его коммерческие дела сочетались бы с просветительством. Отголоском этого замысла стала апелляция Штольца в разговоре с Обломовым к его светлым идеалам — служить своей стране, «потому что России нужны руки и головы для разработки неистощимых источников». Людмила Гейро, изучив географию поездок Штольца,

высказывает догадку, что он каким-то образом может быть связан с добычей золота⁴. А по мнению Елены Краснощёковой⁵, Штольц в черновиках романа был сильно приближен к образу грибоедовского Чацкого: в своей статье «Миллон терзаний» Гончаров предполагал, что из Чацкого вышел бы прекрасный умеренный реформатор 1860-х.

ПОЧЕМУ ВАЖНО, ЧТО ШТОЛЬЦ НАПОЛОВИНУ НЕМЕЦ?

Русская классическая литература сосредотачивается на поиске деятельного героя примерно с середины 1850-х. Но предыстория вопроса на самом деле уходит вглубь 1830-х, когда в России появляется так называемый кружок Николая Станкевича. В центре внимания его участников (преимущественно студентов Московского университета, где в то время учился и сам Гончаров) — немецкая философия, в том числе философия Гегеля. Именно она стала для участников кружка источником рационализации, то есть постоянной попытки на самых разных уровнях, от быта до литературного творчества, поставить чувства под контроль разума. В 1847 году вышли сразу две литературные новинки — повесть «Полинька Сакс» Александра Дружинина и «Обыкновенная история» самого Гончарова. В них столкновение чувств и разума было осмыслено как конфликт между мечтательной и прагматичной натурами. В «Полиньке Сакс» прямо поднимался вопрос о том, как можно один тип натуры преобразовать в другой.

Этот конфликт немецкого прагматизма и русской эмоциональности отражен и в образе Андрея Штольца, который немец лишь наполовину, — и в его воспитании схлестываются две традиции. При этом немецкая традиция подкреплена методикой воспитания Жан-Жака Руссо, описанной в «Эмиле», к которому в главах о детстве Штольца довольно много отсылок. Отношение к ребенку как равному, ставка на физическое развитие и привычку к труду, отказ от лишней эмоциональности до того, как сознание сможет предложить рациональное осмысление эмоций, — все это в полной мере присутствует в воспитании Андрея Штольца его отцом-немцем. Главное же, что дает ему мать, русская дворянка, — это чтение книг, которые формируют внутренний мир мальчика. Поэтому если считать образ Штольца ответом Гончарова на вопрос, откуда должен взяться деятельный человек в России, то, видимо, его воспитание должно сочетать базовую привычку к труду и разумный подход с погружением в контекст русской культуры.

Немаловажно то, что Штольц немец только наполовину. Как таковые «немцы» не раз возникают в романе и становятся объектом критики и Тарантьева, и Захара. Все время трудятся, берегут каждую копейку, ничего лишнего себе не позволяют и так складывают состояние — все это настолько противно природе русского человека, что даже Обломов не готов защищать их, молчаливо соглашаясь в характеристике «немцев» со своим слугой.

ЧТО ЗА АРИЮ ПОЕТ ОЛЬГА? ПОЧЕМУ ЭТО ТАК ВПЕЧАТЛЯЕТ ОБЛОМОВА?

Арию «Casta diva» из оперы Винченцо Беллини «Норма» считают одной из самых сложных в репертуаре сопрано. Однако в «Обломове» это не играет особой роли: известно, что Ольга хорошо поет, но впечатляет Обломова другое. Еще до знакомства с Ольгой Илья Ильич так описывает Штольцу свои мечты об идеальной жизни: «В доме уж засветились огни; на кухне стучат в пятеро ножей; сковорода грибов, котлеты, ягоды... тут музыка... Casta diva... Casta diva!» Почему в сцене идиллического деревенского ужина возникает именно эта ария, в тексте которой и сам Обломов чувствует смятение, надрыв и печаль женщины, преданной мужчиной, вопрос сложный. Притом сам Илья Ильич признаётся, что не особенно разбирается в музыке и способен в зависимости от обстоятельств и настроения впечатлиться очень разными вещами — от той самой «Casta diva» до доносящихся с улицы звуков шарманки. Тем не менее исполнение Ольги ложится на подготовленную мечтаниями почву, где сливаются и налаженный быт, и удовольствие от ужина, и ностальгические воспоминания об Обломовке, и эстетическое переживание. К тому же в исполнении Ольги слышится страсть и чувство, с которым «выплакивает сердце» покинутая женщина. Что именно эта ария имеет над Илей Ильичом особую силу, Ольга понимает и даже пытается использовать в своих интересах. Занятная подробность: Норма обращается со своей печалью к луне, или по крайней мере так это воспринимает Обломов, при

этом никакой особой поэтичностью луна для него, как и для других обитателей Обломовки, не обладает. В этом смысле выбор арии исследователям творчества Гончарова кажется крайне симптоматичным: отношения Ольги и Ильи Ильича изначально обречены⁶. Когда же Штольц навещает Обломова уже в доме Агафьи Матвеевны Пшеницыной, тот уговаривает его выпить хозяйкиной водки: пусть Пшеницына «Casta diva» не споет, зато, уверяет он, готовит отменно. Гастрономические удовольствия, наряду с музыкой, входят в мечтания Обломова, и в конце концов он делает выбор в пользу налаженного быта, отказываясь от требующих душевного усилия стремлений.

ПОЧЕМУ ОБЛОМОВ ПЕРЕДУМАЛ ЖЕНИТЬСЯ НА ОЛЬГЕ?

Первые критики и читатели любили упрекнуть роман в малосюжетности — при таком-то объеме. Но именно эта малосюжетность оказывается лучшим авторским приемом в истории отношений Обломова и Ольги. Принципиально важный для современников провал героя в «испытании личности» любовью не обусловлен никакими сюжетными обстоятельствами и внешними препятствиями. Даже замерзающая Нева только предлог, а отказ героя от женитьбы на Ольге связан исключительно с его внутренней мотивацией. Расхожая точка зрения — всему виной обломовщина, воплощенная в лени. На Обломова действительно накатывает апатия, когда он осознаёт, сколько придется в связи с этой женитьбой переделать важных дел, которые он много лет откладывал. Но это

не главный аргумент. Обломова мучают сомнения: вписывается ли Ольга в его представление об идеальной жизни, какой он рисовал ее Штольцу; у него внезапно возникает ощущение любви как долга и службы, противное его мечтам. И все это всплывает во время растянутого во времени объяснения Обломова и Ольги: сначала Обломов сообщает в письме Ольге, что она испытывает к нему не настоящую любовь, а будущую, а после и сама Ольга признаёт, что любила в нем будущего человека, на которого ей указал Штольц и которого она своими руками сделает из Обломова, когда заставит отказаться от нынешних привычек. Между этими моментами и случается само предложение Обломова, который наконец решает жениться на Ольге. Неожиданно для Ильи Ильича Ольга воспринимает это предложение совершенно спокойно: она его давно предвидела, так все и должно быть устроено. Обломов обескуражен: он не только сомневается в настоящих чувствах Ольги, но и ощущает, что его жизнь стала подчиняться нормам жизни «других». Этот концепт «других» для Обломова изначально сильно проблематизирован: Илья Ильич не хочет быть как они, он ругается со своим слугой Захаром, когда тот начинает сравнивать его с «другими», для него унижительна постановка его уникального опыта в один ряд с опытом «других». Причем эти «другие» в представлении Обломова даже не столько имеют социально более низкий статус — живут бедно и грязно, сколько идут против собственного достоинства — врут и ищут собственной выгоды, суеются и унижаются. Весь этот сложный комплекс внутренних вопросов и сомнений, возникших еще до его письма Ольге и окончательно

оформившихся после предложения ей, и становится причиной отказа Обломова от женитьбы на Ольге.

ИЛЬИНСКАЯ — ЭТО ГОВОРЯЩАЯ ФАМИЛИЯ?

Совпадение фамилии Ольги с именем и отчеством Обломова, конечно, не случайно. Ведь даже в случае совершенно проходного персонажа Алексеева — одного из гостей Ильи Ильича в первой части романа — Гончаров уделяет довольно много места размышлениям о его незапоминающейся фамилии как характерной черте портрета в целом. Важной характеристикой становится и фамилия Тарантьева (напоминающая «тарантас»): этот герой говорил «громко, бойко и всегда сердито; если слушать в некотором отдалении, будто три пустые телеги едут по мосту». Ольга же — один из трех главных персонажей — ко всему прочему убеждена, что Обломов ей «послан Богом», в связи с чем исследователи романа уверенно заявляют, что ее фамилия — знак предназначенности Обломову. Тем пронзительнее становятся неспособность Ильи Ильича совершить усилие и отказ от наилучшего, уготованного судьбой идеального пути. Более того, выйдя замуж за Андрея Штольца, Ольга меняет фамилию, а вместе с этим изменяются и отдельные элементы ее портрета: если прежде она чувствовала «голубиную нежность» Обломова и в ее облике читалась сосредоточенность на мысли, то после того, как она выбирает Штольца, Гончаров все чаще говорит о ее «гордости» и преобладании твердости характера. Таким образом, значение имеет не только фамилия,

указывающая на Илью Ильича, но и отказ от нее: вместе с фамилией Ольга теряет и важные именно для Обломова качества.

ЕСЛИ ГОНЧАРОВ ТАК ВНИМАТЕЛЬНО ОТНОСИТСЯ К ВЫБОРУ ФАМИЛИЙ ГЕРОЕВ, ТО ЧТО ЗНАЧИТ ФАМИЛИЯ ОБЛОМОВ?

С объяснением фамилии главного героя романа дело обстоит непросто. Современный читатель слышит в ней жаргонное слово «облом», и это кажется логичным: все начинания, отношения и попытки героя приняться за дело обречены закончиться ничем. Но для современников Гончарова, по-видимому, была ближе другая этимология: в фамилии Обломова слышалась смысловая основа существительного «обломок» — «всякая отломанная от чего или обломанная кругом вещь» (словарь Даля). Именно на эту этимологию часто указывают и исследователи романа, также фиксируя неявную отсылку к строкам Евгения Баратынского: «Предрассудок! он обломок / Давней правды. Храм упал; / А руин его потомок / Языка не разгадал». И вот в доме на Гороховой лежит представитель утраченного мира, устроенного по совсем иным законам и являющегося уже только во снах. «Сон Обломова» заставляет также обратить внимание не только на его фамилию, но и на выраженную в имени и отчестве своеобразную цикличность. В романе не раз возникают отсылки к годовому циклу как основе жизненного уклада героя — история краткого пробуждения Обломова в период его отношений с Ольгой укладывается аккурат от одной зимы до другой,

жизнь Обломовки нормируется, по сути, сменой времен года и привязанных к ним сезонных работ и досуга. И выбор хозяйственной Агафьи Матвеевны, а не деятельной Ольги говорит о склонности Ильи Ильича именно к такому образу жизни. Повторяемость годового цикла, приверженность традициям и отторжение новшеств отображены как в звукописи его фамилии — сплошное округлое О, так и в закольцованности имени и отчества. В этом смысле симптоматично решение Обломова назвать своего сына Андреем, как Штольца, — и выйти хотя бы в следующем поколении из этого замкнутого цикла в новую реальность.

ОБЛОМОВ — ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ИЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ?

Ни тот ни другой. И что удивительнее — эта неопределенность сохраняется, несмотря на то что в романе присутствуют два противопоставленных друг другу главных героя — Обломов и Штольц. Последовательный отказ Гончарова выносить какие-либо суждения в отношении героев ему вменили в вину еще после публикации «Обыкновенной истории». В случае «Обломова» отсутствие ярко выраженной авторской позиции стало предметом еще более острого обсуждения — в пылу дискуссии о деятельном герое Илья Ильич оказывается тем персонажем, из которого очень легко сделать яркий образец лени и отсутствия инициативы, одновременно предмет отторжения и точку отсчета. На контрасте с ним Андрей Штольц, деятельный и активный, — буквальное воплощение мечтаний современников.

Но что-то мешало современникам прочитать эту коллизию однозначно — это чувствовали и первые критики романа. Все они так или иначе упоминали чистую душу и «голубиную нежность» Обломова, не способного на подлость и ложь и обладающего, в общем-то, многими прекрасными качествами характера. Некоторые замечали и другую сторону. Штольц тоже вполне положителен, деятелен, активен, помогает Обломову в момент, когда тот увязает в мошеннической схеме с Обломовкой, и вообще всячески вселяет в него бодрость. Но тот же Дружинин задает вопросы, на которые у него нет однозначного ответа: почему Штольц и Ольга отвернулись от Обломова, едва узнали, что он женился на простой женщине Агафье Матвеевне и у них родился сын? Почему после смерти Обломова они забрали его сына, но не позаботились никак о других детях Агафьи Матвеевны, к которым был так привязан Илья Ильич, и уж тем более о верном слуге Захаре? И на весах Дружинина ленивый Обломов куда благороднее разумного Штольца. Великодушие парадоксальным образом оказывается уделом неидеальных людей. Наконец, возвращаясь к проговоренным жизненным принципам Штольца — «прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков и донести сосуд жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно», — едва ли можно сказать, кто из них — сам Штольц или Обломов — смог этот принцип в своей жизни реализовать. Создав классическую пару героя и его антипода, Гончаров не только отказался давать этой паре оценку, но и показал, что критерии такой оценки максимально непрозрачны.

ЧТО ОБЩЕГО У ОБЛОМОВА С ОНЕГИНЫМ И ПЕЧОРИНЫМ?

Если взять за критерий обреченные попытки героя выстроить взаимоотношения с внешним миром, то Обломов, несомненно, легко может пополнить галерею знаменитых «лишних людей» в русской классической литературе. Некогда движимый порывом служить на благо России, он довольно быстро испытывает разочарование — и в государственной службе, и в собственных идеалах. Немало места сопоставлению Обломова с Онегиным, Печориным и Бельтовым из «Кто виноват?» уделяет и Добролюбов в своей знаменитой статье о романе Гончарова. Он сравнивает их характеры, привычки, отношения к женщинам — и под конец перестает видеть между всеми этими героями хоть какие-то типологические различия. В итоге критик не только охотно причисляет Обломова к когорте «лишних людей», но даже предлагает ретроспективно переименовать их всех обломовцами. Однако различия все-таки есть — и главное заключается в самой природе их «лишности». В «лишности» Онегина, Печорина и частично Бельтова во многом виновата романтическая парадигма, в рамках которой они созданы: романтические герои противопоставляют себя миру, который принципиально не способен их понять, и культивируют в себе разочарование в нем и в населяющих его людях. Вместе с тургеневским Рудиным в середине 1850-х годов приходит герой, «лишность» которого принципиально иная: этот герой не противопоставляет себя миру, он хотел бы встроиться в него, заняться делом на благо людей, но не может найти себе применения. И если прежде

вина падала прежде всего на ментальную романтическую парадигму, то теперь виновато уже реальное общественное устройство. Все более радикализируясь, критики журнала «Современник», прежде всего Добролюбов, подводят под идею «лишних людей» во главе с Обломовым широкую политическую базу. В частности, они считают «лишних людей» пережитком прежних времен, когда в ходу были нерешительность, неуверенность в методах достижения цели и осторожность в радикальных суждениях. Теперь же настало время действовать: эти герои должны быть сметены и освободить место для совсем других, решительных «новых людей». Такая радикализация в какой-то момент даже заставила Александра Герцена вступить за «лишних людей» в статье с говорящим названием «Very dangerous!!!» («Очень опасно!!!»). Не всякие времена подходят для деятельности, и не всегда «лишними людьми» становятся по собственному выбору. Едва ли у Онегина и Печорина, считает издатель «Колокола», была реальная возможность найти свое поле деятельности в тех российских реалиях. Другое дело — случай Обломова, который такую возможность имеет. Не всякая нерешительность стоит тотального порицания.

ТРИ РОМАНА НА «О» БЫЛИ ЗАДУМАНЫ ГОНЧАРОВЫМ КАК ТРИЛОГИЯ ИЛИ ЭТО ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ?

Все больше погружаясь к концу жизни в состояние беспокойной мнительности, Гончаров решил не оставлять этот вопрос, как и многие другие, на усмотрение

потомков. Сначала в своего рода авторской исповеди под названием «Необыкновенная история» он изложил непростую историю взаимоотношений с Тургеневым, которого обвинял в плагиате. А после в критических заметках «Лучше поздно, чем никогда» рассказал о замысле и истории создания всех своих произведений. Там же он прямо заявил, что, по сути, создал не три романа, а один: «Все они связаны одной общей нитью, одной последовательной идеею — перехода от одной эпохи русской жизни, которую я переживал, к другой — и отражением их явлений в моих изображениях, портретах, сценах, мелких явлениях и т. д.». Замыслы всех трех романов действительно появились в 1840-х годах, но не одновременно. Сначала была написана «Обыкновенная история», сразу после ее появления на страницах журнала возник замысел «Обломова», а к моменту публикации «Сна Обломова» сложилось представление о проблематике «Обрыва». То есть, по сути, замысел каждого нового романа рождался из предыдущего. Тематика, которая при этом интересует Гончарова, очевидна с самого первого романа — перемещение из старого размеренного мира дворянской усадьбы в новый динамичный мир Петербурга и обратно, а также все метаморфозы, которые способен пережить герой в попытках соединить этот разлом уходящего прошлого и неизбежного будущего. Гончаров и сам, подобно многим, регулярно совершал эти симптоматичные для того времени перемещения между родным Симбирском и Петербургом. Перемещения между двумя мирами составляют и биографию героя «Обыкновенной истории» Александра Адуева, который в итоге нигде не чувствовал себя на своем месте.

Такие перемещения совершал Илья Ильич Обломов, отказавшийся от любых попыток деятельности и желавший лишь снова прикоснуться к идиллии Обломовки. Совершал их и герой «Обрыва» Борис Райский, тщетно пытавшийся после петербургской суеты обрести покой и мир в деревне. Однако, при всем тяготении романов к складыванию в трилогию, Гончаров не планировал с самого начала дать им всем названия на букву О — по крайней мере вариантов названия «Обрыва» было множество.

МОЖНО ЛИ СКАЗАТЬ,
ЧТО В ОБРАЗЕ ОБЛОМОВА
ГОНЧАРОВ ИЗОБРАЗИЛ
САМОГО СЕБЯ?

Если вспомнить флегматичный облик Гончарова на его портретах, есть большой соблазн предположить, что в лениво лежащем на диване Обломове он изобразил себя или по крайней мере свое скрытое тяготение именно к этому образу жизни. Это подозрение укрепляют и рассказы о детских годах Гончарова, совершенно чуждого шалостям и сосредоточенного на чтении, и удивительная для того времени невключенность будущего писателя в кружковую студенческую жизнь в Московском университете. В то время как студенты разводят небывалую общественную активность, высылаются за участие в политических сообществах, а после описывают эти годы как бурное время возможностей, Гончаров просто учится. И уж тем более легко увидеть в нем скрытого Обломова, читая его собственные воспоминания о кругосветном путешествии, когда

в ответ на предложение капитана корабля полюбоваться штормом в свете молний Гончаров с типичной для интроверта погруженностью в себя заметил: «Беспорядок» — и удалился в каюту. Однако все-таки сразу после университета он пошел служить, параллельно работал над романами, совершил кругосветное путешествие и уж явно не был склонен засиживаться на одном месте. А в частной переписке Гончаров и вовсе предстает полным иронии человеком, способным в ничем не выдающемся моменте увидеть забавный сюжет и легко и непринужденно поведать о нем адресату. В этом отношении письма Гончарова, возможно, лучшее написанное им произведение. При этом ирония Гончарова была направлена в первую очередь на себя самого — в «Обломове» он изобразил себя в качестве приятеля Андрея Штольца, литератора «с апатическим лицом, задумчивыми, как будто сонными глазами». И это изображение, судя по свидетельствам, вполне соответствовало действительности. Петр Боборыкин, делаясь своими впечатлениями от встречи с Гончаровым, говорил, что тот, на удивление, совсем не выглядел писателем — скорее самым обыкновенным чиновником, и только формулировки его были ясны и точны, что выдавало в нем человека, профессионально имеющего дело со словом. Для современников, незнакомых с писателем настолько, чтобы получать от него письма с ироничными замечками, Гончаров был, несомненно, абсолютно закрытым человеком. Ситуация же, когда за бесстрастным обликом скрывается бурная внутренняя жизнь, о которой внешний наблюдатель может только догадываться, и правда напоминает состояние сна, в том числе сна Обломова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru